

Виктор Муравьев

Судьба, жизнь и идиоты

Иногда
самые нелепые
истории —
самые настоящие

Виктор Муравьёв

Судьба, жизнь и идиоты

«Автор»

2026

Муравьёв В.

Судьба, жизнь и идиоты / В. Муравьёв — «Автор», 2026

Давайте я вам расскажу не о чём книга, а о чём я думал. Судьба — удобное слово. Им обычно называют то, что становится понятным слишком поздно. Когда случайности уже выстроились в цепочку, незнакомые люди успели повлиять друг на друга, а совершенно незначительное решение вдруг оказалось причиной событий, о которых человек, принимая его, даже не мог знать. Жизнь устроена проще. В ней надо ехать на работу, чинить машину, отвечать на звонки, ругаться, влюбляться, зарабатывать деньги, бояться начальства, искать виноватых и иногда просто решать проблему, возникшую прямо перед тобой. Желательно быстро. Желательно так, чтобы она перестала быть твоей. А идиот — слово древнее. Когда-то им называли не глупца. Просто частного человека. Того, кто живёт своей жизнью, знает собственные обстоятельства, видит небольшой кусок происходящего и вынужден принимать решения, не имея перед глазами всей картины. Жизнь — для тех, кто находится внутри неё.

© Муравьёв В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктор Муравьёв

Судьба, жизнь и идиоты

Глава 1

Диман, Никита и Руслан сидели на кухне и занимались тем, чем трое взрослых мужчин способны заниматься бесконечно, — обсуждали машины.

— Взял всё-таки эту «Тойоту», — рассказывал Диман. — Прикольная, конечно. Но глушак ей менять надо. Пердит уже как сволочь.

Никита понимающе кивнул.

— У меня на «Ниве» то же самое было. Как первый раз запердела — сразу поменял.

Руслан сидел рядом, молча слушал и время от времени кивал с таким видом, будто тоже через многое прошёл.

Машины у него не было.

Через пару минут он поднялся.

— Ой, пойду пописю.

И вышел.

Разговор ещё немного покрутился вокруг глушителей, подвески и каких-то совершенно необходимых деталей, без которых, судя по выражению лиц Димана и Никиты, человечество вообще непонятно как дожило до наших дней.

Потом тема каким-то естественным и необъяснимым образом сменилась.

— Я тут к проктологу ходил, — сказал Диман.

Никита посмотрел на него.

— Поздравляю.

— Да какое там поздравляю. Геморрой — это вообще страшная вещь. Ты представляешь...

Диман чуть высунул язык и показал пальцем.

— Вот примерно такая штуковина торчит. Представляешь?

Никита поморщился.

— Не представляю и не собираюсь. И вообще странно мне твою задницу представлять.

Диман заржал.

— Ага. Фантазёр тоже мне. Задницы мои тут представляет.

— Сам начал.

— Да там ещё ухаживать надо. Чистить всё аккуратно, протирать...

В этот момент дверь открылась, и вернулся Руслан.

Он услышал последние несколько слов, остановился и сразу оживился.

— Слушайте, так я тоже с этим мучился. Это вообще проблема.

Диман и Никита замолчали.

Руслан сел обратно за стол.

— Я потом способ нашёл. Берёшь детскую зубную пасту, зубную щётку...

Никита медленно повернул голову к Диману.

Руслан продолжал:

— Пасту небольшим слоем наносишь. И круговыми движениями начинаешь аккуратно натирать. Потом протираешь...

Пауза.

— И фара как новая.

Диман и Никита несколько секунд просто смотрели на него.

Потом почти одновременно сказали:

— Ну ты больной.

Никита ещё раз осмыслил услышанное.

— Совершенно безнадёжный человек.

Руслан непонимающе посмотрел сначала на одного, потом на другого.

— Это вы чего, ребят? Что я такого сказал?

Диман прищурился.

— Ну кто зубной щёткой-то?

Руслан пожал плечами.

— А чем?

— Вафельное полотенце нужно. Вот на него зубную пасту — и три. А ты щёткой... Ну ё... лки. Пускай даже детской. Ты же стекло всё расчешешь. Микроцарапины пойдут, потом грязь туда забиваться будет постоянно.

Руслан задумался.

— Ну...

— Вот тебе и «ну», — сказал Никита. — Я и говорю: совершенно безнадёжный ты человек. Ужас какой-то.

Диман налил себе ещё стакан, цокнул языком, почесал затылок и посмотрел на Руслана.

— Хотя вообще зубная щётка — хорошая идея.

Никита медленно повернулся к нему.

Диман продолжил:

— Чего я сам не додумался? Это ты молодец, конечно.

Руслан довольно улыбнулся.

— Вот.

— Фантазия у тебя получше, чем у Никиты.

— Это да.

Никита открыл рот, чтобы что-то ответить, но в кухню вошла жена Димана.

Лет тридцати пяти, совершенно спокойная и, судя по всему, давно привыкшая к тому, что происходило за этим столом.

Она подошла, взяла стоявший перед Никитой стакан, одним движением выпила и поставила обратно.

Диман возмутился.

— Прокофьева! Вот вся в бабку по манерам!

Не поморщилась, она ответила.

— Петрович.

Диман покачал головой.

— Не угадала. Это Столичная. Теряешь хватку...

Она несколько секунд смотрела на него, потом улыбнулась.

— Петрович говорю пришёл к вам. На пороге стоит, заходить не хочет. Весь в мазуте. Зовёт вас.

Диман поставил стакан.

Никита посмотрел на Руслана.

Руслан — на Никиту.

— Ну ё...

Он задумался.

— ...лки.

— Уже лучше, — сказал Диман и поднялся.

Петровичу было где-то между пятьюдесятью и шестьюдесятью — возраст, в котором человек уже перестаёт уточнять цифры, если его самого всё устраивает.

Когда-то они все вместе работали на железной дороге.

Правда, слово «работали» здесь требовало некоторого снисхождения.

Дежурили они в аварийной службе. В обычную смену работы там было минут на десять. Всё остальное время уходило на чай, разговоры, карты, обсуждение начальства и философские споры о том, почему начальство всё ещё существует.

Аварии случались примерно раз в четыре месяца.

Причём в какой-то момент выяснилось, что ждать их необязательно.

Особенно если за хорошую ликвидацию аварии полагалась премия.

Первым эту простую экономическую закономерность обнаружил Петрович.

После чего аварийность на их участке приобрела удивительную стабильность.

Раз в несколько месяцев что-нибудь обязательно происходило. Не слишком серьёзное, не слишком опасное, зато ровно настолько неприятное, чтобы бригада героически всё починила и заслуженно получила благодарность.

Эта система работала довольно долго.

Пока постепенно не перестали работать они сами.

Сначала уволили одного.

Потом второго.

Потом третьего.

В итоге все разбрелись по разным местам, но дружить не перестали.

Что было особенно забавно, потому что до железной дороги они и так жили почти на одной улице, в соседних домах, много лет знали друг друга и при этом практически не общались.

Для настоящей мужской дружбы, как выяснилось, им просто не хватало восьмичасовых смен, на которых совершенно нечего делать.

Петрович был, пожалуй, самым весёлым из всей компании.

Громкий, харизматичный, вечно довольный жизнью дедок, которого трудно было представить растерянным вообще при каких-либо обстоятельствах.

Поэтому сейчас что-то явно было не так.

Он стоял за дверью весь в мазуте — руки чёрные, куртка чёрная, даже на лице несколько полос. Но главное — выглядел он испуганным.

Диман оглядел его с головы до ног.

— Ну чего не заходишь? У нас что, бензина нет, после тебя солярку отмыть? Мазут этот твой — ерунда. Чего ты как девочка?

Петрович замотал головой.

— Да не. Не в этом дело. Не в этом же дело. Дело-то вообще не в этом.

Никита вышел следом и прислонился к дверному косяку.

Руслан выглянул из-за его плеча.

Петрович посмотрел на всех троих и тяжело выдохнул.

— Я тут это...

Он немного помолчал.

— Всё. Японский магнитофон.

Диман нахмурился.

— Новый?

— Ёксель-моксель! Я говорю, ситуация случилась. Незаметно подкралась, так сказать.

Прыг-скок. Прыг-скок сбоку так.

Петрович показал руками что-то неопределённое.

— И как!

Все трое молчали.

— Вот, — продолжил Петрович. — Ага. Ну я смотрю. А ну-ка... Ух!

Он ещё раз показал руками.
На этот раз стало ещё менее понятно.
— Ну я думаю: ну всё. Ёшкин кот, ядрёна Матрёна!
Никита кивнул.
— Уже информативнее.
— Но я не растерялся, — продолжал Петрович. — Я такой: ух! Ну вот я и тут.
Он замолчал.
Диман посмотрел на Никиту.
Никита — на Руслана.
Руслан пожал плечами.
Никита наконец сказал:
— Ничего себе история.
Петрович серьёзно кивнул.
— Вот.
— Мать честная! Захватывающий боевик, — продолжил Никита. — Ещё бы туда пару деталей воткнуть — и вообще полностью всё ясно станет.
Петрович нахмурился.
— Каких ещё деталей?
— Например, что случилось.
Петрович посмотрел на них с обидой.
— Ну раз вы дебилы такие... дурачки местные. Крапивой бьёте палкой, да на нарисованные часы смотрите — пора ли уже крапиву бить...
— Чего? — спросил Руслан.
— Ничего. Пойдёмте, покажу.
— Куда?
— В гараж.
Петрович поднял палец.
— В мой. Это важно.
Диман переглянулся с Никитой.
— А если был бы не твой?
— Тогда было бы не так важно.
Петрович задумался.
— Я вот раньше тоже думал: имущество — неважно. Финансы, биржи, миллионы, яхты...
Всё это суета. А сейчас стою и думаю: важно.
Он покачал головой.
— Парадокс.
Никита вздохнул.
— Ну пойдём, Парадокс. Посмотрим, что у тебя там такого интересного.
Минут через пятнадцать все четверо стояли в гараже.
И молчали.
В открытом багажнике машины Петровича лежал человек.
Руки и ноги были связаны скотчем. Глаза оставались открыты. По общему его виду было понятно, что день у него выдался значительно хуже, чем у остальных присутствующих.
Молчание затянулось.
Руслан сделал полшага назад.
Диман посмотрел на Петровича.
Потом опять в багажник.
Потом снова на Петровича.
— А ты за что его так?

Петрович даже оскорбился.

— Да я-то чего? Я ничего.

— Петрович.

— Вот иной раз я, знаешь, как чего...

Он многозначительно махнул рукой.

— А тут вообще ничего.

Никита нахмурился.

— Очень успокоил.

— Оно ж как бывает, — продолжил Петрович. — Смотришь — ага. А потом понимаешь — о-о-о.

Он задумался.

— Вот и я думаю.

Никита молча снял с верстака старую рабочую перчатку, натянул её и закрыл багажник.

— Давай сначала. Спокойно. Рассказывай, Петрович. Не томи. Что случилось?

— Так ничего и не случилось.

Никита посмотрел на него.

— Ничего?

— Ничего.

— И не было ничего?

— Вообще ничего.

Никита снова открыл багажник.

Петрович ткнул пальцем внутрь.

— Вот!

— Что «вот»?

— Вот это вот всё и случилось!

Никита закрыл багажник.

— Понятно.

Петрович пожал плечами.

— А так в целом нормальная жизнь у меня.

Диман не выдержал и расхохотался.

— Петрович, у тебя с памятью пи...

Он остановился.

— ...пец какой-то культурный. Кошмар просто.

Петрович недовольно посмотрел на него.

— Чего ты ржёшь?

— Да потому что пять минут назад у тебя ничего не происходило!

Диман хлопнул ладонью по багажнику.

— Откуда человек-то взялся, мать моя женщина?!

Петрович посмотрел на машину.

Потом на друзей.

Посерьёзней.

— Вот это я вам как раз и пытаюсь рассказать.

Никита прищурился.

— Нет, Петрович. Пока ты нам рассказывал про «прыг-скок» и «ух».

— Так это начало было.

— А середина будет?

Петрович немного подумал.

— Середина мне самому не очень понравилась.

Петрович прислонился к верстаку и наконец начал рассказывать:

— Пришёл я, значит, сюда с утра. Думаю: приберусь немного. Тряпки расстелю, банки достану. Огурчики там пожевать. Посидеть спокойно. У меня ещё самогона немного осталось...

Руслан поднял руку.

— Петрович.

— Чего?

— Ближе к делу.

— Я и рассказываю.

— Ты так до вечера рассказывать будешь.

Петрович недовольно посмотрел на него, но продолжил:

— Ну вот. Достал банки, тряпки там... Потом думаю: багажник ещё разобрать надо. Открываю, а там у меня отвёртка лежала. Счастливая.

Диман закрыл глаза.

— Нет.

— Чего «нет»?

— Только не отвёртка.

— А что с ней?

— Петрович, я тебя сейчас ударю.

— За что?

— Тапком. Честно. Прямо тапком.

Петрович нахмурился.

— А чего тапком-то?

— Потому что мы пять лет слушаем про эту сраную отвёртку! Я её уже ненавижу больше, чем этот труп!

Он показал на машину.

Петрович обиженно поджал губы.

— Между прочим, в семьдесят втором году я её у самого...

— ПЕТРОВИЧ.

— Да понял я, понял.

Он махнул рукой.

— В общем, открываю багажник.

Все трое молча смотрели на него.

Петрович выдержал паузу.

— А там, представляете...

Он оглядел друзей.

— Вы вообще ни за что не догадаетесь.

Никита медленно посмотрел на закрытый багажник.

— Даже предположить боюсь.

— Тело.

Диман уставился на него.

— Вот это поворот.

— Вот! — оживился Петрович. — Я тоже удивился.

— Дальше.

— Ну я сначала думаю: может, живой ещё. Надо искусственное дыхание делать. Рот в рот...

Петрович замолчал.

Все трое смотрели на него.

— Конечно, не стал.

Руслан выдохнул.

— Слава богу.

— Я же брезгую. Я вообще с детства трупиков боюсь.

Петрович задумался.

— У меня ещё, помню, дед Ага...

Диман застонал.

— Не надо про деда.

— Да я быстро. Он предатель был. Усики ещё такие маленькие носил, смешные...

— Петрович.

— Чего?

— Тело.

— А. Да.

Диман провёл ладонью по лицу.

— То есть ты нашёл у себя в багажнике мёртвого человека...

— Ну.

— И позвал не полицию.

— Ну.

— А нас.

Петрович довольно кивнул.

— Совершенно верно.

Никита посмотрел на Руслана.

Руслан — на Димана.

Петрович поднял указательный палец.

— Вот. Вот теперь вы в корень зрите, коллега.

Диман нахмурился.

— Какой ещё корень?

Петрович посмотрел на машину и впервые за всё время перестал улыбаться.

— А вот это уже интересный вопрос.

Руслан задумчиво посмотрел на машину.

— Ну вообще логично же. Тебе его подкинули.

Петрович прищурился.

— Кого?

— Труп, Петрович.

— А-а.

— Не может человек просто так оказаться в багажнике машины, которая стоит в закрытом гараже.

Петрович посмотрел на него с искренним удивлением.

— Да запросто.

— В смысле?

— Я по НТВ видел.

Диман сразу опустил голову.

— Началось.

— Там этих... рептилоидов показывали. Они людей похищают только так. Вообще не стесняются. У них там такие...

Петрович широко развёл руки, пытаясь показать что-то, существовавшее исключительно в его воображении.

— Вот такие!

Руслан посмотрел на расстояние между его ладонями.

— Что именно?

— Ну эти... гуманоиды. Они вообще те ещё. Красивые ходят, улыбаются всем, потом — бац! — и всё. Очнулся где-нибудь под Рязанью, а объяснить ничего не можешь.

Петрович многозначительно поднял палец.

— Телевизор врать не будет.

Диман покачал головой.

— Чапман Анна тебе в помощь, Петрович. Задолбал.

— Хорошая женщина, между прочим.

— Подумай лучше: у кого могли быть ключи от гаража? Замок не взломан?

Петрович махнул рукой.

— Да чего его взламывать? У меня замок ещё от деда остался.

Никита вздохнул.

— Только не дед.

— Ой, кстати, дед у меня...

— Нет.

— ...предатель был.

— Петрович.

— С детства ещё помню. Усики у него такие маленькие...

Никита поднял руку.

— Да подожди ты со своим дедом! Я уже твоего деда знаю лучше, чем собственного. Давай разберёмся, кто мог попасть в гараж.

Петрович пожал плечами.

— Никто.

— Почему?

— А я сам иной раз попасть не могу.

Все трое посмотрели на него.

— Ключ заедает, — пояснил Петрович. — Я бывает минут сорок стою, туда-сюда его.

Прижал, отпустил, приподнял, помолился...

— Замок поменять?

Петрович посмотрел на Димана как на сумасшедшего.

— А зачем? Работает же.

Руслан опять посмотрел на багажник.

— Хорошо. В гараж никто войти не мог.

— Во.

— Тогда откуда труп?

Петрович замер.

На его лице появилось выражение человека, который только что вспомнил нечто несущественное.

— А-а. Так у меня машину угнали на днях.

Наступила тишина.

Диман медленно повернулся к нему.

— Чего?

— Машину угнали.

— Когда?!

— Да дня три назад. Может, четыре.

Никита уставился на него.

— И ты сейчас об этом говоришь?

— А чего раньше-то? Нашлась же.

— Петрович...

— Я сначала вообще подумал, это вы пошутили надо мной.

Руслан даже обиделся.
— Машину угнали?
— Ну.
— И ты решил, что это мы?
— А кто ещё?
Диман растёр лицо ладонями.
— Хорошо. Дальше.
— А чего дальше? Иду вчера — смотрю, стоит.
— Где?
— У хлебного.
— Твоя машина?
— Моя.
— Которую угнали?
— Ну я же про неё рассказываю.
Диман закрыл глаза.
— Продолжай.
— Стоит у обочины. Причём криво так припарковали. Я ещё подумал: девочка, что ли, угнала? Водить, наверное, не умеет.
Никита посмотрел на него.
— Петрович...
— Чего?
— Ничего. Дальше.
— Ну я сел, завёл и сюда пригнал.
Диман несколько секунд молчал, явно собирая всё услышанное в одну картину.
— То есть твою машину угнали.
— Да.
— Ты никому не заявил.
— А кому?
— Полиции, Петрович!
— А-а.
— Потом ты случайно увидел её у хлебного.
— Да.
— Просто сел в неё.
— Ну.
— Завёл.
— Ну.
— И пригнал обратно в гараж.
Петрович развёл руками.
— А что мне её там оставлять?
Диман посмотрел на Руслана.
Руслан посмотрел на Никиту.
Никита предпочёл посмотреть в стену.
— А как ты её вообще завёл? — спросил Диман. — Если её угнали, откуда у тебя ключи?
Петрович усмехнулся.
— Так ключи там.
— Где «там»?
— В машине.
— Почему?
— А они у меня семь лет назад в замке зажигания застряли. Я вытащить не могу.

Никита медленно повернул голову.

— Семь лет?

— Ну.

— Ты семь лет ездил с ключами в замке?

— А чего их трогать?

Петрович довольно хлопнул ладонью по крыше машины.

— Сел, повернул — поехал. Как «Феррари» с кнопки.

Руслан посмотрел на него.

— Петрович, у «Феррари» кнопка потому, что машину без ключа всё равно не заведёшь.

Петрович помолчал.

— Выпендриваются.

Петрович вдруг хлопнул в ладоши так громко, что по гаражу прокатилось эхо.

Все трое вздрогнули.

— Я всё придумал, ребят!

Никита насторожился.

— Уже страшно.

— Мы позовём сюда «Битву экстрасексов».

Никита несколько секунд смотрел на него.

— Может, экстрасенсов?

Петрович задумчиво почесал подбородок и посмотрел куда-то в сторону.

— Может.

Помолчал.

— Может быть, и экстрасексов.

Руслан достал телефон.

— Всё, хватит. Сейчас в сто двенадцать позвоню, вызовем наряд. Они разберутся. Всё им объясним как есть.

Диман посмотрел на Петровича.

— Он им ещё про деда расскажет.

Петрович щёлкнул пальцами.

— Точно! У меня же, кстати, дед предатель был. Я вам рассказывал вообще?

Диман устало посмотрел на него.

— А у него случайно усики маленькие были?

Петрович замер.

Медленно повернул голову.

— Бы... были.

Он нахмурился, явно поражённый совпадением.

— Вроде были, да. Такие маленькие, неприятные. Я ещё тогда подумал...

Никита прикрыл глаза.

— Господи.

— Я маленький ещё был. Бегал с голой попкой, ножки босые, один ботинок на всю семью...

— Почему один?

— Второй потеряли.

— Кто?

— Не помню. Может, дед.

Петрович задумался.

— Вот тогда у меня первые сомнения и закрались. Думаю: а не фашист ли мой дед? Не предатель ли?

Руслан уже набрал номер, но Диман вдруг поднял руку.

— Подожди.
— Чего?
— Не звони пока.
Руслан посмотрел на него.
— Почему?
Диман кивнул в сторону машины.
— Ты сам подумай, как это выглядит.
Он начал загибать пальцы.
— Гараж. Машина. В багажнике человек. Причём явно лежит там не первый час. Вокруг четверо мужиков.
Петрович поднял палец.
— Трое мужиков и я.
Диман посмотрел на него.
— Вот именно это я и имел в виду.
Петрович удовлетворённо кивнул.
— А теперь представь, — продолжил Диман, — приезжает полиция, а мы стоим здесь и такие: «Добрый день. Тут у нас небольшое недоразумение».
Руслан опустил телефон.
— Ну и?
— И что они скажут? «Здравствуйте, товарищи. Вот вам бумажка. Распишитесь здесь. А вот там у нас лет по двадцать для каждого, разбирайте по одному».
Никита покачал головой.
— Ты тоже уже начинаешь нести ерунду.
— А что предлагаешь?
Диман махнул рукой куда-то вдаль.
— Надо вообще отсюда его убрать. Куда-нибудь...
— Куда?
— Ну не знаю. На обрыв какой-нибудь.
Никита уставился на него.
— Какой ещё обрыв?
— Обычный.
— Где ты здесь обрыв найдёшь?
Диман пожал плечами.
Никита задумался.
— У нас в округе из обрывов только экономика.
Руслан фыркнул.
— Вот туда и скинем.
— Очень смешно.
Никита ещё раз посмотрел на машину.
— Нет, надо по-другому.
Петрович оживился.
— А я, кстати, фильм недавно смотрел.
Все трое одновременно:
— Нет.
— Да хороший фильм!
— Нет, Петрович.
— Я ещё потом в «Мурзилке» читал, там подтвердили.
Руслан медленно повернулся к нему.
— Что именно подтвердили?

Петрович понизил голос.

— Что если сделать всё как в кино, ты автоматически становишься мафиози.

Он подумал.

— По-моему, даже диплом дают.

Никита посмотрел на него.

— Почётный?

— Во!

Петрович радостно ткнул в него пальцем.

— Ты тоже читал.

Руслан внимательно посмотрел на Петровича.

— Ты бухой, что ли?

Петрович посмотрел на него.

Моргнул.

— А.

Помолчал.

— Я ж не рассказывал.

Никита повернулся к нему.

— Что не рассказывал?

Петрович щёлкнул пальцами, словно наконец вспомнил самое важное обстоятельство дня.

— Я ж бухой.

В гараже повисла тишина.

Диман медленно кивнул.

— Вот теперь многое встало на свои места.

Петрович довольно улыбнулся.

— Я же говорил: надо с самого начала рассказывать.

Глава 2

Дождавшись, пока окончательно стемнеет, они всё-таки решились ехать.

Тело так и оставили в багажнике. Никто особенно не хотел лишний раз его трогать, да и план, если это вообще можно было назвать планом, выглядел предельно просто: выбраться куда-нибудь подальше от города, найти безлюдное место и оставить всё это недоразумение там, предоставив дальнейшее судьбе, полиции и людям с более устойчивой психикой.

Предлагали Лесной посёлок. Почему именно его, никто толком объяснить не смог. Вероятно, потому что слово «лесной» внушало определённую уверенность.

Петрович завёл машину, и они выехали.

Доехать успели буквально до первого перекрёстка.

На небольшом пятачке впереди стояла машина ДПС.

Несколько секунд в салоне царила такая тишина, будто инспекторы уже сидели рядом и записывали показания.

Петрович не сказал ни слова. Он лишь чрезвычайно аккуратно включил правый поворотник.

— А нам разве не прямо? — тихо спросил Руслан.

— Теперь направо, — так же тихо ответил Диман.

— Почему?

Никита посмотрел на него.

— Пейзаж понравился.

Петрович свернул.

Спустя ещё пару минут стало окончательно понятно, что никакого Лесного посёлка сегодня не будет. Дорога вывела их в старую промзону, где фонари попадались через один, асфальт давно перестал делать вид, что за ним ухаживают, а по обеим сторонам стояли тёмные корпуса предприятий, переживших собственное назначение.

Один из них они знали особенно хорошо.

Когда-то здесь производили шерсть. Большой по местным меркам завод кормил половину района, дымил трубами и исправно существовал до конца девяностых, пока в девяносто восьмом не обанкротился окончательно.

После этого его несколько раз пытались оживить. Кто-то собирался открыть здесь склад, кто-то — производство мебели, потом говорили про автосервис, потом ещё про что-то чрезвычайно перспективное, чего никто уже не помнил.

Ничего не приживалось.

Одни арендаторы съезжали, другие разорялись, третьи исчезали ещё до того, как успевали повесить вывеску.

Местные давно решили, что место проклято.

Петрович считал это убедительным аргументом.

— Во, — сказал он, указывая на тёмные корпуса. — Сюда.

— Почему сюда? — спросил Руслан.

— А ты посмотри.

Руслан посмотрел.

— Посмотрел.

— Ну вот.

Это объяснение всех почему-то устроило.

Они остановились перед одним из старых зданий. Тащить тело внутрь никто не захотел, да в этом и не было особого смысла. После недолгого и совершенно бесполезного обсуждения решили оставить его возле корпуса.

Когда всё было закончено, четверо ещё некоторое время стояли рядом, не зная, что теперь полагается делать.

Никита первым нарушил молчание:

— Как-то нехорошо.

Диман посмотрел на него.

— Что именно?

— Ну так.

— Очень конкретно.

Никита указал на оставленного человека.

— Связанным оставлять.

Руслан нахмурился.

— А какая ему теперь разница?

— Ему, может, и разницы нет. Мне есть.

Петрович серьёзно кивнул.

— Правильно. Некультурно.

После короткого спора они убрали скотч с рук и ног и отступили на несколько шагов, оценивая результат так, словно только что закончили переставлять мебель.

— Вот, — удовлетворённо сказал Петрович. — Уже по-человечески.

Никита посмотрел на него, но отвечать не стал.

Через минуту все снова сидели в машине.

Петрович завёл двигатель, и старый завод медленно поплыл назад, растворяясь в темноте за грязным задним стеклом. Никто особенно не разговаривал. Даже Руслан, обычно неспособный долго молчать, сидел, глядя в окно.

Первым тишину нарушило радио.

Вернее, радио пыталось её нарушить.

Из динамиков доносились треск, шипение и обрывки голосов, которые возникали на секунду и тут же исчезали. Петрович покрутил ручку настройки, поймал что-то похожее на музыку, потерял, снова поймал помехи и недовольно цокнул языком.

Потом вдруг хихикнул.

— А я подготовился.

Он одной рукой полез куда-то назад, в карман сиденья, некоторое время там шарил и наконец вытащил старую аудиокассету.

Никита посмотрел на неё.

— Только не это.

Петрович несколько раз хлопнул кассетой по ладони, словно собирался разбудить её после многолетнего сна.

— Лучше песни, чем «Ласковый май», под сегодняшнюю тематику я вообще не вижу.

Диман медленно повернул к нему голову.

— Ты ещё скажи, что специально с собой взял.

Петрович улыбнулся.

— А вот этого мы уже никогда не узнаем.

Внутри старого корпуса было шумно.

К вечеру сюда натаскали несколько неоновых ламп, развесили их где пришлось, протянули через окна удлинители и поставили посреди просторного цеха здоровенный JBL PartyBox, который теперь старательно доказывал оставшимся стенам, что бас способен заменить штучку.

Играло что-то рэповое. Музыка билась о бетон, уходила под высокий потолок и возвращалась оттуда уже гулом. В полумраке двигались люди, мелькали лица, пластиковые стаканы

переходили из рук в руки, кто-то смеялся так громко, будто рассказывал последнюю хорошую шутку на земле.

Народу собралось много — в основном лет семнадцати-двадцати. Кто-то танцевал, кто-то сидел прямо на старых поддонах у стены, кто-то спорил о чём-то возле колонки, перекрикивая музыку и совершенно не слыша ответов.

Максим взял свою девушку за руку и потянул к остальным.

— Пойдём.

— Куда?

— Танцевать.

Она улыбнулась и пошла за ним.

Поначалу всё было нормально. Они двигались почти вплотную друг к другу, иногда сталкивались плечами, смеялись, и Максим даже успел решить, что вечер наконец-то складывается как надо.

Потом она заметила, куда он смотрит.

Через несколько человек танцевала девушка в светлой майке. Максим задержал на ней взгляд всего на несколько секунд, но нескольких секунд оказалось достаточно.

Его девушка перестала улыбаться.

— Серьёзно?

Максим не сразу понял.

— Чего?

— Ничего.

— Да чего?

— Ты кобель, Максим.

— Да в смысле?

Она оттолкнула его.

Не сильно, но Максим как раз сделал шаг назад, зацепился пяткой за какую-то железяку и едва удержался на ногах.

Стоявшие рядом парни тут же заржали.

— Красавчик!

— Чучело!

— Аккуратнее, танцор!

Максим выпрямился.

Несколько секунд он смотрел на них, потом на девушку, потом зачем-то схватил стоявший рядом старый деревянный стул.

— Макс, ты чего? — успел сказать кто-то.

Максим размахнулся и запустил стул в окно.

Когда-то там действительно было окно. Теперь от него оставались прогнившая рама, несколько жалких осколков по краям и большой проём, через который стул беспрепятственно вылетел наружу.

Оттуда донеслось негромкое:

— Тук.

На фоне PartyBox это прозвучало особенно унижительно.

Кто-то засмеялся ещё громче.

Максим несколько секунд смотрел в оконный проём, словно рассчитывал, что стул хотя бы сейчас сделает что-нибудь впечатляющее.

Девушка подняла руку.

— Больной.

И пошла прочь.

— Да подожди!

Она не обернулась.

Максим протиснулся между людьми и пошёл следом. Пришлось спускаться ниже, туда, где музыка уже звучала глуше и вместо неоновых световых точек оставались только редкие лампы, принесённые кем-то из дома.

— Да стой ты!

Она ускорила шаг.

Максим догнал её уже на лестнице и схватил за руку.

— Подожди.

Она резко обернулась.

— Что?

— Ну чего ты опять?

— Я опять?

— Да я вообще ничего не сделал!

Она посмотрела на него.

— Конечно.

— Ну посмотрел я. И что?

— Вот именно. Ничего.

— Да подожди ты!

Она снова собралась уйти, но Максим удержал её.

— Я же люблю тебя!

Девушка остановилась.

Несколько секунд она просто смотрела на него, а потом неожиданно улыбнулась.

— Да ты не можешь любить меня.

И Максим тоже вдруг расплылся в улыбке, совершенно дурацкой, счастливой, на весь рот.

— Но я же люблю тебя.

Они вышли на улицу.

Музыка почти сразу осталась позади. Ещё несколько шагов — и тяжёлые басы превратились в глухое бухание где-то внутри старого корпуса, будто само здание продолжало веселиться без них.

Ночь стояла тёплая. В траве стрекотали кузнечики, над промзоной висело чистое тёмное небо, а редкие фонари вдали только подчёркивали, насколько вокруг всё было заброшено.

Аня глубоко вдохнула и посмотрела куда-то в темноту.

— Макс, пойдём погуляем? Кузнечиков послушаем.

— Ну, Ань, конечно, давай. Романтика. Я вообще романтичный с детства.

Она засмеялась.

— Да конечно. Какой ты романтичный? Вон, баб только клеишь.

— Да не клею я никого.

— Ага.

— Это просто эти... как их называют-то...

Максим некоторое время искал слово.

— Гормоны всякие.

— Не гормоны, а тестостерон.

Максим покосился на неё.

— Ой, много ты понимаешь в мужских началах.

Аня улыбнулась.

— Я много понимаю в мужских кончалах.

Максим остановился.

— Серьёзно?

Она тут же толкнула его локтем в бок.

— Да успокойся ты.

— А чего сразу успокойся? Я уточняю.

— Всё нормально будет.

Максим рассмеялся и снова пошёл рядом с ней.

— Ладно. Пойдём гулять, проказница.

— Иди уже, романтик.

Они неспешно пошли вдоль старого здания, оставляя шум вечеринки всё дальше за спиной.

За углом старого корпуса музыка почти совсем исчезла. От неё остался лишь мерный глухой бас, который временами проходил сквозь стены и растворялся в ночном воздухе. Здесь уже начиналась заросшая территория завода: высокая трава, остатки бетонных плит, ржавые трубы, уходящие неизвестно куда, и тёмные силуэты деревьев дальше, за полуразвалившимся забором.

Аня шла немного впереди. Она запрокинула голову, разглядывая небо, и что-то тихо говорила про звёзды, когда Максим вдруг остановился.

Сначала ему показалось, что возле стены валяется куча старой одежды.

Потом он увидел ботинки.

— Ань... — позвал Максим, и голос его прозвучал уже совсем иначе.

Она сделала ещё пару шагов, прежде чем поняла, что он отстал, и недовольно обернулась.

— Ну чего там ещё?

Максим не ответил. Он смотрел куда-то ей за спину.

Аня проследила за его взглядом и тоже замолчала.

На земле лежал мужчина.

Рядом валялись обломки того самого стула, который несколько минут назад Максим с такой эффектной бессмысленностью запустил в оконный проём.

Теперь ничего смешного в стуле не было.

Несколько секунд Максим просто стоял, будто разум отказывался соединять две находившиеся перед ним вещи в одну мысль. Потом сорвался с места, подбежал к мужчине и опустился рядом.

— Господи... — пробормотал он, торопливо пытаясь понять, жив ли тот.

Аня осталась стоять в нескольких шагах. Руки она прижала к груди, и прежняя насмешливая улыбка исчезла с её лица.

Максим провозился недолго.

Потом медленно поднял голову.

Лицо его побледнело.

— Чёрт... — сказал он, сглотнув. — Кажется... Ань, кажется, я его кокнул.

Она несколько мгновений смотрела на него так, словно услышала что-то настолько нелепое, что просто не нашлась с ответом.

— Да кого ты можешь кокнуть? — наконец произнесла Аня и осторожно приблизилась. — Ты на себя посмотри. Это вообще бред какой-то.

Она перевела взгляд на лежащего мужчину, затем на разбитый стул.

— И какого чёрта он вообще здесь делал?

— Я откуда знаю? — Максим уже начал говорить быстрее, но сам будто заставлял себя остановиться. — Сейчас. Подожди. Не переживай. Сейчас разберёмся.

Он поднялся и полез в карман за телефоном.

— Я полицию вызову, — сказал Максим, глядя на экран. — Они приедут и сами всё выяснят. Может, это вообще не я. Может, ему плохо стало. Сахар там упал или ещё что-нибудь. А стул рядом... ну просто совпало.

Аня резко выхватила телефон из его руки.

Максим даже не сразу понял, что произошло.

— Ты чего?

— А ты чего? — тихо спросила она.

Теперь в её голосе почти не осталось паники. И почему-то именно это напугало его сильнее.

Аня посмотрела сначала на него, потом снова на мужчину.

— Ты внимательно посмотри вокруг, Макс. Потом на стул посмотри. Потом на себя. И попробуй ещё раз придумать историю про сахар.

— Ну а что мне делать? — растерянно спросил он. — Если это случайность, значит, так и скажу.

— Пасть свою прихлопни, — ответила Аня, возвращая ему взгляд. — И хотя бы минуту не паникуй.

Максим отступил на шаг.

— Ань...

— Не «Ань». Подумай головой. Тебя заберут. Потом начнут копать во всём подряд.

Она сделала короткую паузу.

— Ты вспомни, чем мы вообще занимаемся.

Максим нахмурился.

— А это здесь при чём?

В его голосе прозвучало почти искреннее недоумение.

— В интернет-то никто не полезет. Тут же... ну, допустим, случайно убил человека. Это максимум условка какая-нибудь. Зато совесть чиста.

Аня медленно закрыла глаза.

Потом открыла.

— Господи, какой же ты...

Она не договорила, шумно выдохнула и ткнула ему телефоном в грудь.

— Рот закрыл. Хлебалом не щёлкаем. Сейчас думаем.

— Чего думать-то?

Аня оглянулась на тёмную территорию вокруг, словно решение уже существовало где-то между корпусами и его оставалось только увидеть.

— Машину подгони, — сказала она. — И уберём его отсюда.

Максим смотрел на неё несколько секунд.

Потом перевёл взгляд на мужчину.

Потом обратно.

— Нет.

Аня подняла брови.

— Что — нет?

— Я не буду этого делать.

Теперь он говорил тише. Почти спокойно, хотя руки продолжали дрожать.

— Прости. Я не могу. Не хочу. Это уже совсем другое. Одно дело — если всё случайно произошло, другое — если мы начнём скрывать.

Он сделал ещё шаг назад.

— Я лучше сам всё расскажу.

Аня смотрела на него, не перебивая.

— Я домой, — добавил Максим. — Всё. Прости.

— Макс...

Но он уже попятился.

Сделал несколько быстрых шагов, развернулся и побежал.

Аня проводила его взглядом.

Через несколько секунд она нахмурилась.

Максим почему-то бежал вовсе не туда, где стояла машина.

Он уходил прямо в темноту, через заросший пустырь, спотыкаясь о траву и старые куски бетона.

Аня ещё немного посмотрела ему вслед.

— Ой, какие мужики пошли нежные, — произнесла она наконец и тяжело вздохнула.

Назад она пошла одна.

Через некоторое время свет фар скользнул по стене старого завода, осветил траву и снова исчез. Аня вернулась к машине уже без прежней суеты, словно успела что-то для себя решить.

Когда автомобиль выехал обратно на дорогу, Максим всё ещё брёл вдоль пустыря, периодически оглядываясь и явно не понимая, куда именно направляется.

Аня заметила его издалека.

Мигнула фарами.

Максим обернулся.

Она посигналила.

Он замахал обеими руками и почти бегом подошёл к машине, но внутрь не сел. Вместо этого наклонился к окну и тревожно зашептал:

— Ты чего сигналишь? Не привлекай внимания! Нас посадят!

Аня сидела за рулём, положив одну руку на руль, и смотрела на него с таким выражением, будто главной проблемой этой ночи был именно Максим.

— Да достал ты уже, паникёр, — сказала она. — Садись.

Максим заглянул в салон.

Его взгляд задержался где-то позади неё.

Лицо медленно изменилось.

— Ань...

Она нетерпеливо постучала пальцами по рулю.

— Садись в машину, говорю. Погнали.

Максим не двигался.

Аня улыбнулась ему совершенно спокойно.

— У меня всё схвачено.

Она помолчала и, словно для надёжности, повторила:

— Всё схвачено.

Неподалёку от промзоны была небольшая речка и старая пристань.

Место это нельзя было назвать красивым. Сюда не приезжали фотографироваться, не гуляли семьями и не любовались закатами. Несколько бетонных плит, тёмная вода, ржавые перила, облупившиеся столбики и мусор, который почему-то всегда скапливался именно там, где человек особенно хотел почувствовать единение с природой.

Анне этого оказалось достаточно.

Пока они ехали, Максим почти не разговаривал. Он сидел, отвернувшись к окну, и иногда проводил ладонями по лицу, будто надеялся стереть вместе с потом последние полчаса своей жизни.

Анна, напротив, успокоилась окончательно.

Когда впереди показалась пристань, она сбросила скорость и коротко сказала:

— Здесь остановимся.

Максим повернулся к ней.

— Зачем?

Она посмотрела на него.

— Как думаешь?

Он снова отвернулся к окну.

Машина остановилась в стороне от дороги.

Несколько секунд никто не двигался.

Потом Анна заглушила двигатель.

— Макс, — сказала она спокойно. — Сейчас просто делаем, что надо, и уезжаем. Без истерик.

Он посмотрел на неё.

— Мне очень нравится, как ты говоришь «просто».

— А мне очень нравится, как ты сегодня вообще ничего полезного не делаешь.

Максим хотел ответить, но передумал.

Они вышли из машины.

Ветер от воды оказался холоднее, чем ожидалось. Где-то в темноте плеснула река, за камышами что-то зашуршало, а далеко за спиной ещё виднелось тусклое зарево города.

Анна быстро осмотрелась и принялась действовать так уверенно, словно подобные ночные приключения входили в её привычный распорядок.

Максим помогал молча.

Пару раз он останавливался, будто собирался сказать, что всё это безумие, но каждый раз взгляд Анны заставлял его продолжить.

Спустя несколько минут всё было закончено.

Никто из них не стал смотреть вниз.

Анна первой развернулась к машине.

— Всё.

Максим стоял ещё секунду, глядя в темноту.

— Всё?

— Всё.

Он кивнул, хотя сам не понял зачем, и поспешил следом.

Двери хлопнули почти одновременно.

Анна завела двигатель.

Машина сорвалась с места так резко, что Максим вдавился в сиденье и машинально ухватился за ручку над дверью.

Дорога впереди была пустой.

Фары выхватывали из темноты разметку, дорожные знаки, деревья и редкие дома, которые тут же исчезали позади. Анна вела быстро, уверенно, почти зло, будто от расстояния между ними и пристанью зависело вообще всё.

Максим некоторое время молчал.

Потом повернул голову к ней.

— Ань.

Она не отреагировала.

— Ань.

— Ну?

Он посмотрел на неё серьёзно.

Даже слишком серьёзно для человека, который ещё час назад швырял стулья в окна.

— Ты выйдешь за меня?

Анна на секунду отвела взгляд от дороги и посмотрела на него.

Потом уголок её рта медленно поднялся.

— Посмотрим на твоё поведение, сучок.

Максим задумался.

А потом почему-то улыбнулся.

За окнами проносилась ночная дорога.

Глава 3

К десяти вечера праздник продолжался уже столько времени, что никто не мог с уверенностью сказать, когда именно он начался.

Катер неторопливо шёл вдоль берега, временами подсакивая на мелкой волне. Когда-то его, вероятно, можно было назвать белым, но годы, вода и хозяева постепенно сошлись на более практичном серовато-жёлтом оттенке. Небольшая рубка, открытая корма, потёртые сиденья и старенький мотор, который урчал с той надёжностью, какую обычно приобретают вещи, давно пережившие гарантию и надежды производителя.

На складном столике между сиденьями стояли пластиковые стаканы, несколько тарелок с остатками еды и бутылка, содержимое которой за последние часы десять неоднократно менялось, а сама бутылка почему-то оставалась всё той же.

Сегодня обмывали Михаила.

Точнее, его новое звание.

Ещё точнее — звёздочку, ради которой Михаил с самого утра выслушивал поздравления, советы, пожелания дальнейшего карьерного роста и подробные объяснения, каким именно человеком он теперь обязан стать, чтобы окончательно испортиться.

Сам Михаил был человеком крупным, широкоплечим и весёлым даже в трезвом состоянии, а к этому часу весёлость его успела приобрести почти философский характер.

Он сидел ближе к корме, расстегнув ворот рубашки, смотрел на тёмную воду и уже в третий раз рассказывал Вадиму одну и ту же историю.

— Я ему и говорю: «Ты мне это в дежурке рассказывать будешь», — произнёс Михаил, подняв палец, будто именно сейчас собирался сообщить важнейшую часть рассказа. — А он на меня смотрит и говорит...

Вадим, сидевший напротив, устало прикрыл глаза.

— Миш, он сейчас скажет, что у него паспорта нет.

Михаил остановился.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что два часа назад у него тоже паспорта не было.

Кирилл, который до этого молча жевал солёный огурец, рассмеялся и едва не подавился.

— Не мешай человеку работать с материалом, — проговорил он, откашлявшись. — Может, к утру паспорт появится.

Михаил некоторое время смотрел на обоих с подозрением, после чего тоже рассмеялся.

— Завистливые вы люди. Особенно ты, Кирюха. Я сегодня, между прочим, человек государственный в новом качестве.

Вадим посмотрел на него поверх стакана.

— Ты последние восемь лет человек государственный.

— А сегодня в новом качестве.

— В каком?

Михаил задумался и осторожно отпил.

— В более дорогом.

Ответ его вполне устроил.

Катер качнуло. Бутылка на столе поехала в сторону, но Кирилл привычным движением поймал её возле самого края и поставил обратно.

Берег тянулся справа тёмной полосой. Вдалеке иногда появлялись редкие огни, отражались в воде и исчезали за деревьями. Ночь была тёплой, почти безветренной, и если не считать мотора, смеха и периодического звона посуды, вокруг стояла удивительная тишина.

Михаил некоторое время смотрел на воду.

Потом прищурился.

— Рыба есть.

Вадим проследил за его взглядом.

— Где?

— В воде.

Кирилл перестал жевать.

— Сильное наблюдение, товарищ майор.

Михаил медленно повернулся к нему.

— Ты смеёшься, Кирилл, потому что городской человек. А я рыбу чувствую.

— Носом?

— Душой.

Вадим поставил стакан и удобнее устроился на сиденье.

— Ты последний раз рыбачил когда?

Михаил задумался.

— Нормально рыбачил?

— Желательно.

— Тогда давно.

— А ненормально?

— Вот сейчас собираюсь.

Он поднялся.

Кирилл сразу посмотрел на Вадима.

Вадим, в свою очередь, посмотрел на Михаила и по выражению его лица понял, что тот уже что-то придумал.

— Миш, — произнёс он осторожно. — А может, не надо?

— Что не надо?

— То, что ты сейчас собираешься делать.

— Ты даже не знаешь, что я собираюсь делать.

— Поэтому и переживаю.

Михаил пропустил замечание мимо ушей и полез в небольшой отсек под сиденьем. Некоторое время оттуда доносились стук, шорох и недовольное бормотание, пока наконец он не выпрямился с ружьём для подводной охоты в руках.

Кирилл перестал улыбаться.

— О нет.

Михаил осмотрел находку и довольно кивнул.

— О да.

— Откуда оно вообще здесь?

— Всегда было.

Вадим нахмурился.

— На кой оно тебе на катере?

Михаил посмотрел на него почти с жалостью.

— А сейчас что у меня в руках?

Вадим помолчал.

— Ружьё.

— А вокруг что?

— Вода.

Михаил развёл руками настолько, насколько позволяла находка.

— Ну вот. Иногда, Вадик, ответы лежат прямо перед человеком, но он проходит мимо.

Кирилл, наблюдавший за этим разговором, покачал головой.

— Ты сейчас сам себя Конфуцием почувствовал?

— Не знаю такого. У нас в отделе не служил.
Михаил подошёл ближе к борту и всмотрелся в воду.

Вадим сразу выпрямился.

— Ты чего удумал?

— Порыбачить.

— С катера?

Михаил обернулся.

— А что, рыбе принципиально, откуда я?

— Миш, положи эту штуку.

Но Михаил уже разошёлся. Он махнул рукой куда-то впереди катера и торжественно объявил:

— Я тебе сейчас докажу одну вещь. Вот куда сейчас ни попаду — там будет рыба.

Кирилл рассмеялся.

— Конечно будет. Мы на реке.

— Нет, ты не понял. Я конкретно попаду в рыбу.

— В какую?

Михаил снова посмотрел в воду.

— В невезучую.

Катер слегка качнуло, и Михаил переступил с ноги на ногу, удерживая равновесие.

Вадим проследил за тем, куда направилась его рука, и мгновенно перестал улыбаться.

— Ты мне сейчас борт прошьёшь, рыбак.

Он дёрнулся к Михаилу, пытаясь отвести находку в сторону от катера.

Дальше всё произошло почти одновременно.

Михаил возмущённо сказал что-то про руки.

Кирилл успел привстать.

Что-то резко щёлкнуло.

А потом все трое замолчали.

В темноту в сторону берега ушёл гарпун, а вслед за ним быстро потянулся тонкий линь.

Михаил некоторое время смотрел туда, куда он исчез.

Потом медленно повернулся к Вадиму.

— Ну вот зачем ты мне прицел сбил?

Вадим уставился на него.

— Я тебе прицел сбил?

— Конечно.

— Ты в собственный катер целился!

Михаил нахмурился.

— Я контролировал ситуацию.

Кирилл перегнулся через борт, наблюдая за уходящим в темноту линём.

— Сейчас узнаем, что ты там наконтролировал.

Через несколько секунд движение прекратилось.

Михаил оживился.

— Во.

Вадим посмотрел на него.

— Что «во»?

Михаил осторожно потянул.

Линь натянулся и остановился.

Он попробовал ещё раз, уже обеими руками, но результат не изменился.

На лице Михаила появилась торжествующая улыбка.

— Сидит.

Кирилл подошёл ближе.

— Кто?

— Рыба.

— Какая ещё рыба?

Михаил снова потянул.

— Хорошая.

Вадим нехотя взялся помочь ему. Несколько секунд оба тянули вместе, после чего Вадим отпустил линь и вытер ладони о брюки.

— Это не рыба, Миш.

Михаил посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что она не двигается.

— Затаилась.

Кирилл хмыкнул.

— От страха окаменела.

Михаил снова натянул линь и серьёзно прислушался к собственным ощущениям.

— Килограммов сорок.

Вадим посмотрел в сторону тёмного берега.

— Там камни.

— Камни так не сопротивляются.

— Камни вообще чемпионы в этом деле.

Михаил не ответил. Он ещё несколько раз попытался освободить гарпун, после чего окончательно убедился, что тот за что-то крепко зацепился.

Кирилл вздохнул и посмотрел на берег.

— И чего теперь?

Михаил отпустил линь и указал вперёд.

— Подойдём.

Вадим посмотрел сначала на него, потом на берег, потом на стол, за которым ещё совсем недавно спокойно отмечал чужое повышение.

— Миш, может, бросим его к лешему?

Михаил возмущённо повернулся.

— Новый?

— Какой новый?

— Гарпун.

— Ты пять минут назад не знал, что он у тебя есть.

— Теперь знаю.

Михаил сел и с достоинством добавил:

— У меня уже с ним воспоминания.

Кирилл рассмеялся.

Катер медленно изменил курс и пошёл к берегу.

Чем ближе катер подходил к берегу, тем меньше Михаилу нравилась его сорокакилограммовая рыба.

Вадим включил прожектор, закреплённый возле рубки, и провёл светом вдоль бетонного берега. Сначала в белом пятне появилась мокрая стена, потом ржавая арматура, торчавшая из неё в нескольких местах, какие-то старые покрышки у самой воды.

А потом свет остановился.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

У бетонной стены висел человек.

Одежда зацепилась за торчащую арматуру, а гарпун, прилетевший с катера, довершал общую картину настолько убедительно, что Михаил медленно сел на ближайшее сиденье.

— Твою ж налево... — пробормотал он, не отрывая глаз от берега.

Кирилл подошёл ближе к борту, посмотрел туда же и шумно выдохнул.

— Твою ж дивизию.

Вадим выключил прожектор.

Потом сразу включил обратно, словно надеялся, что за секунду темноты берег успеет передумать.

Не успел.

Михаил поднял на него глаза.

— Наряд надо вызывать.

Вадим посмотрел на него с таким выражением, будто именно эта очевидная мысль окончательно испортила вечер.

— Это понятно. Сначала понять бы, что мы вообще сейчас будем объяснять.

Кирилл всё ещё разглядывал берег.

— Что объяснять? Михаил Сергеевич решил порыбачить.

Вадим повернулся к Михаилу.

— Ну ты совсем кукаджамба.

Михаил нахмурился.

— Чего?

Кирилл тут же оживился и, покачиваясь в такт одному ему слышимой музыке, затянул:

— Я-я-я, кукаджамба, я-я-я...

— Да заткнись ты, кукаджамба, — раздражённо бросил Михаил.

Кирилл перестал петь.

— Ладно.

Михаил потёр лицо ладонями и снова посмотрел на берег.

— Давайте думать.

Вадим покосился на него.

— Плохое начало.

— Почему?

— Потому что каждый раз, когда ты сегодня предлагаешь думать, у нас появляется новая проблема.

Михаил хотел возразить, но посмотрел на гарпунный линь и передумал.

Кирилл тем временем снова включил прожектор и направил его немного ниже.

— Подождите.

Он прищурился.

— А он вообще на гарпуне висит?

Вадим подошёл ближе.

Теперь было видно лучше: одежда мужчины действительно держалась главным образом на куске старой арматуры, который торчал из разрушенного бетонного края.

Михаил мгновенно оживился.

— Во!

Вадим посмотрел на него.

— Что «во»?

— А может, это вообще не мы.

Кирилл медленно повернул голову.

— Миш.

— Что?

— Ты гарпун видишь?

— Вижу.

— Он в нём?

Михаил поморщился.

— Ну не надо сразу вот так всё упрощать.

Вадим цокнул языком.

— И много у нас, по-твоему, таких совпадений накопилось?

Кирилл задумчиво посмотрел на Михаила.

— Может, у нас район вообще сложный. Люди постоянно гуляют возле воды, а потом в них прилетают гарпуны.

Михаил поднял палец.

— Вот. Между прочим.

Вадим медленно перевёл взгляд с одного на другого.

— Вы оба сейчас серьёзно?

Кирилл пожал плечами.

— А что? Всякое бывает.

Михаил снова посмотрел на берег и вдруг нахмурился.

— Подождите.

Он указал рукой куда-то вниз.

— А почему он тогда так высоко?

Вадим ничего не ответил.

Михаил продолжал рассуждать вслух:

— Смотрите. Ноги до земли не достают нормально. Значит, в момент... этого всего он был выше.

Кирилл прищурился.

— Прыгал?

Михаил посмотрел на него.

— Вот.

Вадим закрыл глаза.

— Нет.

— Что «нет»? — обиделся Михаил. — Нормальная версия.

Кирилл уже вошёл во вкус.

— Может, зарядку делал.

Михаил резко повернулся к нему.

— Точно!

Вадим открыл глаза.

— Господи.

Кирилл поставил ноги пошире и начал показывать прямо на палубе.

— Ну смотри. Раз — руки в стороны.

Он развёл руки.

— Два — вверх.

Поднял их над головой.

— Три — подпрыгнул.

Михаил внимательно следил за демонстрацией.

— И в этот момент...

Кирилл хлопнул ладонями.

— Фьюить!

Он замер, изображая человека, внезапно столкнувшегося с крайне неудачным завершением утренней гимнастики.

Михаил кивнул.

— Логично.

Вадим смотрел на обоих.

— Нет.

— Почему нет? — спросил Михаил.

— Потому что нормальные люди ночью возле пристани зарядку не делают.

Кирилл опустил руки.

— А ты всех нормальных людей опрашивал?

Вадим некоторое время молчал.

Потом устало потёр переносицу.

— Хорошо. Допустим, он делал зарядку.

Михаил удовлетворённо кивнул.

— Уже лучше.

— Допустим, он подпрыгнул.

— Так.

— Допустим, ровно в этот момент ты случайно выстрелил с катера.

Михаил посмотрел на него с надеждой.

— Ну?

Вадим выдержал паузу.

— Это не оправдание, Миш.

Над водой снова стало тихо.

Где-то далеко за деревьями проехала машина, и на несколько секунд по тёмному берегу скользнул свет фар.

Кирилл первым перестал улыбаться.

— И чего делать будем?

Михаил посмотрел на берег, потом на Вадима.

— Не знаю.

Вадим тяжело вздохнул.

— Вот это первый разумный ответ за вечер.

Некоторое время они ещё стояли, глядя на бетонную стену, и постепенно приходили к единственному решению, которое в их нынешнем состоянии казалось хоть сколько-нибудь приемлемым.

Через несколько минут катер снова отошёл от берега.

На этот раз никто не пел.

Даже Кирилл.

Некоторое время они шли молча.

Катер снова оказался посреди тёмной воды, берег постепенно отдалялся, а вместе с ним отдалялось и то место, где ещё совсем недавно Михаил собирался доказать окружающим своё врождённое умение чувствовать рыбу.

Доказывать больше ничего не хотелось.

Кирилл сидел у борта, положив локти на колени, и задумчиво смотрел в воду. Вадим стоял возле рубки и курил, хотя ещё час назад торжественно объявил, что бросил. Михаил устроился напротив и время от времени тяжело вздыхал, будто происходящее прежде всего утомляло его своей организационной сложностью.

Первым заговорил Кирилл.

— А если просто выкинуть?

Вадим повернул к нему голову.

— Кого?

Кирилл посмотрел на него.

— Карася, Вадик. Кого ещё?

Михаил нахмурился.

— В воду, что ли?

— А куда?

Вадим докурил и щелчком отправил окурок за борт.

— И что дальше?

Кирилл пожал плечами.

— Ничего. Вода большая.

— Очень хороший план, — сказал Вадим, кивнув. — Особенно если ты хочешь, чтобы через пару дней его нашли и начали выяснять, откуда в нём взялся гарпун.

Михаил болезненно поморщился.

— Не называй его гарпуном.

Вадим посмотрел на него.

— А чем мне его называть?

— Не знаю. Предметом.

— В нём предмет торчит?

— Уже лучше.

Кирилл некоторое время молчал, после чего предложил привязать что-нибудь тяжёлое.

Вадим посмотрел на него так, что Кирилл сам понял: мысль не получила поддержки.

— Да понял я, — пробормотал он. — Кино пересмотрел.

Михаил постучал пальцами по колену.

— Вообще всё это глупость.

— Наконец-то, — произнёс Вадим. — Продолжай. Мне нравится направление.

Михаил поднял голову.

— Мы же сами прекрасно знаем, как такие вещи потом раскручиваются. Найдут его, начнут смотреть, кто где был, кто куда ездил. Камеры, машины, телефоны...

Он задумался.

— Ещё этот...

Михаил поводит пальцем в воздухе, вспоминая слово.

— Интернет.

Кирилл кивнул.

— Опасная вещь.

— Очень, — согласился Михаил. — Там всё есть.

Вадим сел напротив них.

— Значит, в воду не бросаем.

Кирилл вздохнул.

— А я уже почти привык к плану.

Несколько минут они перебирали варианты, и каждый следующий оказывался либо хуже предыдущего, либо требовал такого количества усилий, что Михаил начинал заранее скучать.

Потом Вадим неожиданно замолчал.

Кирилл заметил это первым.

— Чего?

Вадим смотрел куда-то мимо него.

— Геннадий сегодня дежурит.

Михаил нахмурился.

— Какой Геннадий?

Вадим перевёл на него взгляд.

— Наш Геннадий.

— А.

На лице Михаила постепенно появилось понимание.

— В морге?

Вадим кивнул.

Кирилл сначала посмотрел на одного, потом на другого.

— Вы сейчас о чём?

Михаил уже выпрямился.

— Кирюха, иногда ты меня разочаровываешь. У нас есть морг. В морге есть Геннадий. У Геннадия сегодня дежурство.

Он развёл руками.

— Всё.

Кирилл подождал.

— Что всё?

Михаил посмотрел на него с раздражением.

— Ну не заставляй меня всю мысль самому думать.

Вадим усмехнулся.

— Они предлагают отвезти тело Геннадию.

Кирилл несколько секунд молчал.

— В морг?

— Нет, в пекарню, — ответил Вадим. — Конечно в морг.

Кирилл снова задумался.

Идея была настолько нелепой, что после всего произошедшего начинала казаться разумной.

Михаил тоже это почувствовал.

— Вот! — сказал он, хлопнув ладонью по колену. — Человек должен быть где?

Вадим вздохнул.

— Миш...

— В морге! А мы куда его отвезём?

Кирилл осторожно ответил:

— В морг.

— Логично?

Кирилл нехотя кивнул.

— Пугающе.

— Но логично.

Вадим посмотрел на обоих.

— Геннадий нас убьёт.

Михаил улыбнулся.

— Сначала выслушает.

— Потом убьёт.

— Значит, сначала выслушает.

На этом, как ни странно, и остановились.

Остаток пути ушёл на обсуждение того, как именно сообщить Геннадию о неожиданной просьбе так, чтобы он не бросил трубку раньше времени.

Ни одного удачного варианта они не придумали.

Когда они добрались до машины, ночь уже перевалила далеко за середину.

Разговаривали мало. Веселье с катера куда-то исчезло, а вместо него пришла тяжёлая сосредоточенность людей, которые окончательно убедили себя, что действуют разумно.

Михаил сел за руль.

Вадим посмотрел на него.

— Ты уверен?

Михаил повернул ключ.

— В чём?

Вадим хотел уточнить, но передумал.

— Ни в чём.

По дороге им попался пост ДПС.

Михаил заметил его заранее и сразу сбросил скорость.

На несколько секунд в машине стало настолько тихо, что Кирилл перестал даже дышать через нос.

Один из сотрудников у поста посмотрел на номер автомобиля, потом на водителя.

Михаил выпрямился.

Сотрудник узнал его.

Коротко поднял руку в приветствии.

Михаил ответил таким же жестом.

Они проехали дальше.

Кирилл ещё некоторое время смотрел назад.

— Это сейчас всё?

Михаил пожал плечами.

— А что должно быть?

Вадим отвернулся к окну.

— Ничего. Просто очень люблю систему.

Геннадий встретил их у служебного входа.

Он был в тёмных брюках, медицинской куртке поверх футболки и выглядел человеком, которого разбудили не столько физически, сколько морально.

Сначала он увидел Михаила.

Потом Вадима.

Потом Кирилла.

После этого посмотрел в машину.

И снова на Михаила.

— Нет, — сказал Геннадий.

Михаил ещё не успел открыть рот.

— Гена...

— Нет.

— Ты хотя бы выслушай.

— Нет.

— Ты даже не знаешь, что случилось.

Геннадий показал рукой на автомобиль.

— Я примерно догадываюсь, что вы приехали не анализы сдавать.

Вадим подошёл ближе.

— Ген, ситуация нехорошая.

— Удивил.

— Но решаемая.

Геннадий некоторое время смотрел на него.

— Почему всякий раз, когда вы говорите «решаемая», мне хочется увольняться?

Михаил положил руку ему на плечо.

— Потому что ты ответственный человек.

Геннадий убрал его руку.

— Не трогай меня.

Кирилл тихо добавил:

— Он сегодня особенно ответственный.

Геннадий перевёл взгляд на него.

— Ты вообще молчи.

Кирилл послушно замолчал.

Разговор продолжался ещё долго. Михаил объяснял плохо, Вадим поправлял его, Кирилл периодически добавлял подробности, после которых Геннадий просил Кирилла снова замолчать.

Когда история наконец закончилась, Геннадий несколько секунд просто смотрел на них.

— То есть вы хотите, — медленно произнёс он, — чтобы я сделал вид, будто ничего из этого разговора не слышал.

Михаил улыбнулся.

— Уже хорошее начало.

— И принял вашего... знакомого.

— Мы с ним не знакомы, — уточнил Михаил.

Геннадий прикрыл глаза.

— Конечно.

Он развернулся и сделал несколько шагов к двери, но Михаил окликнул его.

— Ген.

Тот остановился.

Михаил достал телефон.

— Мы понимаем, что просьба необычная.

Геннадий медленно повернулся.

— Необычная — это когда сосед просит кота покормить.

Вадим кашлянул.

— Мы отблагодарим.

Через несколько минут телефон Геннадия коротко завибрировал.

Он посмотрел на экран.

Потом ещё раз.

Поднял глаза на Михаила.

— Вы ненормальные.

Михаил пожал плечами.

— Двести пятьдесят.

Геннадий снова посмотрел на экран.

— Я вижу.

— Значит, договорились?

Геннадий долго молчал.

Потом убрал телефон в карман.

— Я вас ненавижу.

Михаил облегчённо улыбнулся.

— Взаимно, Гена. От души.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Геннадий открыл дверь и устало махнул им рукой.

— Давайте сюда вашу проблему.

Кирилл оживился.

— Видишь, Миш? Я же говорил, всё схвачено.

Геннадий остановился в дверях.

— Кирилл.

— Что?

— Ещё одно слово — и я передумаю.

Кирилл задумался и почтительно кивнул.

Михаил посмотрел на Вадима и впервые за последние несколько часов позволил себе нормально выдохнуть.

Им казалось, что самое сложное осталось позади.

Глава 4

Геннадий остался один.

Михаил, Вадим и Кирилл уехали несколько минут назад, оставив после себя запах алкоголя, двести пятьдесят тысяч рублей на карте и проблему, которую они с удивительной лёгкостью перестали считать своей.

Саму проблему Геннадий пока даже толком не разглядел.

Тело привезли накрытым. Он помог закатить каталку внутрь, велел поставить её в стороне и на этом решил знакомство закончить. В его представлении ночь следовало пережить спокойно, а утром уже разобраться, что именно ему подсунули старые друзья и насколько сильно он успел пожалеть о дружбе с ними.

Он снял перчатки, бросил их в урну и направился было за кофе, когда в кармане коротко завибрировал телефон.

Сообщение пришло от человека, который обычно писал Геннадию исключительно тогда, когда хорошего ждать не приходилось.

«К утру будь готов. В районе восьми комиссия. По вашей части тоже пройдут».

Геннадий застыл посреди коридора.

Несколько секунд он продолжал держать телефон перед собой, но мысли уже были далеко от экрана.

— Замечательно, — тихо произнёс он.

Коридор, ещё минуту назад казавшийся совершенно обычным, внезапно приобрёл множество неприятных подробностей. Камеры. Журналы. Двери. Люди, которые утром начнут задавать вопросы. И, главное, неизвестный человек, появившийся здесь ночью без всякого внятного объяснения.

Геннадий убрал телефон в карман и посмотрел в сторону помещения, где осталась каталка.

— Просто великолепно.

Сначала он позвонил Михаилу.

Абонент оказался недоступен.

Геннадий медленно отвёл телефон от уха.

— Конечно.

Вторым был Вадим.

Трубку никто не взял.

Кирилл сбросил вызов почти сразу.

Геннадий некоторое время стоял молча, после чего набрал его ещё раз.

Теперь телефон был выключен.

— А вот это уже коллективная работа, — сказал Геннадий пустому коридору. — Молодцы.

Возвращать им тело он всё равно не собирался. Даже если бы вся троица внезапно материализовалась у дверей, Геннадий уже достаточно хорошо представлял, как пройдёт разговор: Михаил скажет, что договор есть договор, Вадим будет молчать, а Кирилл обязательно предложит что-нибудь настолько полезное, что после этого придётся прятать уже двоих.

Нужно было придумать другое.

Геннадий прошёл по коридору, налил себе кофе и некоторое время стоял возле автомата, глядя на пластиковый стаканчик.

Труп следовало куда-то деть.

Эта мысль была очевидной.

Гораздо сложнее было решить — куда именно.

И тут решение пришло само.
Геннадий даже перестал пить.

— Ну конечно.

Он поднял голову.

Где вообще должен находиться покойник?

Ответ был настолько прост, что Геннадий удивился, почему не додумался сразу.

На кладбище.

От этой мысли ему стало значительно легче.

Он допил кофе, выбросил стаканчик и почти бодро направился обратно.

Через некоторое время каталка уже катилась по пустому коридору. Колёсико с левой стороны неприятно поскрипывало на каждом обороте, и Геннадий дважды останавливался, сердито глядя на него, будто именно оно могло привлечь внимание комиссии, которая должна была появиться только через несколько часов.

— Тише ты, — пробормотал он.

Колёсико продолжило скрипеть.

На улице было темно и прохладно.

Дальнейшая часть затеи понравилась Геннадию значительно меньше первой, но отступить он уже не собирался. Вскоре машина выехала со двора и растворилась среди ночных улиц.

За рулём Геннадий постепенно успокаивался.

Он даже начал находить в собственном решении определённую элегантность.

Морг являлся промежуточной точкой. Кладбище — конечной.

Следовательно, всё, что он делал сейчас, было не избавлением от проблемы, а всего лишь ускорением естественного процесса.

Такая формулировка ему понравилась.

— Логистика, — сказал Геннадий и прибавил радио.

Кладбище встретило его темнотой, тишиной и редкими фонарями возле административных построек.

Геннадий оставил машину подальше от входа и некоторое время осматривался.

Возле небольшой сторожки горел жёлтый свет.

На крыльце сидели двое мужчин.

Один привалился плечом к стене, второй — к первому. Между ними на ступеньке стояла бутылка. Судя по общей неподвижности композиции, оба давно достигли той стадии опьянения, когда беседа продолжается уже исключительно по внутренним каналам связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.